

- ⁷ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 336.
- ⁸ Там же. С. 184.
- ⁹ Там же. С. 178—179.
- ¹⁰ Morellet A. Mémoires. P., 1821. Vol. 1. P. 134.
- ¹¹ Ibid. P. 134.
- ¹² Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 358—359.
- ¹³ Разуmovская М. В. От «Персидских писем» до «Энциклопедии». СПб., 1994. С. 148.
- ¹⁴ Там же. С. 136—188.
- ¹⁵ Манфред А. Э. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978. С. 199—200.
- ¹⁶ Ретиф де Бретон Н. Э. Сокращенный поселянин. М., 1972. С. 318—319.
- ¹⁷ Ганшина Г. К. Французско-русский словарь. М., 1979. С. 496.
- ¹⁸ Grand dictionnaire universel du XIX siècle par Pierre Larousse. P., s. a. Vol. 10. P. 474.
- ¹⁹ Ibid. P. 475.
- ²⁰ Карлейль Т. Французская революция. М., 1991. С. 42—43.
- ²¹ Там же. С. 61—62.
- ²² Бадентэр Э., Бадентэр Р. Кондорсе: Ученый в политике. М., 2001. С. 113.
- ²³ Строев А. Ф. «Те, кто поправляет фортуна»: Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 174—197.
- ²⁴ Там же. С. 30.
- ²⁵ Там же. С. 237—238.
- ²⁶ Там же. С. 29.
- ²⁷ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М., 1987. С. 114—115.

Е. А. Елохина

Старый порядок и революция во Франции 1789 г. глазами русских

Великая французская революция (ВФР) — грандиозное событие последней трети XVIII в. — оказалась настолько великой и значимой, что споры о ней не утихают до сих пор. ВФР ознакомила весь мир, по словам П. И. Пестеля, с «возможностями и удобствами»¹ совершать революции и заставила задуматься: как добиться коренных социальных преобразований,

либо совсем не прибегая к насильственным методам, либо избегая крайностей и злоупотреблений «царства террора». На фоне сегодняшних политических событий в России и Европе рассмотрение феномена революции представляется актуальным и даже необходимым. Объективно именно при таких потрясениях проявляются самые неприглядные стороны сознания и можно судить о человеке, и шире — о нации, как говорится, «без прикрас». ВФР не явилась исключением: осознание свершившихся событий пришло слишком поздно, и лозунг «до основанья, а затем» оказался неоправданным.

Историография ВФР необъятна, представлена трудами отечественных и зарубежных авторов. Историки-марксисты А. З. Манфред и В. Г. Ревуненков рассматривают революции однозначно позитивно, как локомотив истории. В трудах зарубежных авторов А. Токвиля и Ф. Фюре революция стала объектом систематизированной интерпретации и рассматривается как прямое продолжение Старого порядка². Однако необходим, на наш взгляд, новый подход — опосредованный взгляд на ВФР людей со стороны, неформальный и в целом объективный. На этом фоне ценен именно взгляд русских на события во Франции, культура и язык которой были господствующими в России в этот период. Данной проблематике не посвящено ни одного капитального исследования, встречаются лишь отдельные комментарии и вступительные статьи к источникам. Например, стоит отметить появление работы Е. П. Пироговой, где на фоне общей истории рода Демидовых анализируется и путешествие по Европе Никиты Акинфиевича³.

Для рассмотрения темы, связанной с культурным, ментальным, социальным факторами в истории, идеально подходит методологическое направление — новая интеллектуальная история, которое получило распространение в конце XX — начале XXI в. Несмотря на многогранность трактовок предмета исследования данного направления, наиболее адекватным, по нашему мнению, является представление об «интеллектуальной истории» как области, изучающей человеческое сознание. При этом, надо отметить, что интерес к такого рода исследованиям в отечественной историографии зародился не так давно. А между

тем значимость подобных исследований велика. При анализе человеческого сознания открывается возможность увидеть реальность исторической эпохи глазами самого человека, т. е. прикоснуться к «живой ткани» истории. Интересны именно внутренняя рефлексия человека на происходящие вокруг него события, его впечатления, эмоции, чувства. Несомненно, что огромное влияние при этом приобретают такие характеристики, как политические пристрастия, социальная принадлежность, уровень культуры личности. Однако при всей субъективности этих категорий все же интеллектуально-ментальный фактор в истории имеет важное значение.

Основу исследования составляют эпистолярные источники: дневники, записки, письма. Именно в них наиболее ярко проявляется человеческое сознание во всех его формах (ментальность, коллективное бессознательное), что позволяет принять опосредованное участие в описываемых событиях. «Журнал путешествия» Н. А. Демидова описывает Старый порядок второй половины XVIII в. Он выполнен в жанре путевых записок, на что оказала влияние уже сложившаяся в европейской литературе традиция⁴.

«Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина написаны в беллетризованной форме, автор сообщает множество точных сведений и фактов, просвещает и воспитывает. Этой задачей объясняется важная сторона источника — его информативность. «Письма» являются своеобразной энциклопедией, запечатлевшей жизнь Запада накануне и во время ВФР⁵.

Используется в работе и официальная переписка русских посланников в Париже с государственными деятелями, которая позволяет воссоздать хронологическую последовательность событий, а также проследить реакцию русской высшей политической элиты на события во Франции⁶.

Итак, о младшем сыне Акинфия Демидова Никите Акинфиевиче биографы отзываются как об очень предприимчивом и удачливом хозяине заводов, который сумел значительно приумножить доставшееся ему от отца состояние. Никита также считался любителем наук и искусств, покровителем ученых и художников и вообще, вполне в духе своего времени, человеком

просвещенным: путешествовал по Европе, в Париже вместе с Дидро отбирал для Екатерины II произведения искусства, имел богатую библиотеку, состоял в дружеской переписке с Вольтером (которая, к сожалению, не сохранилась). По возвращении из заграничного путешествия он опубликовал в Москве в 1786 г. дневник под названием «Журнал путешествия его высокоородия господина статского советника и ордена Святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращение в Россию ноября 22 дня 1773».

Это интереснейший памятник русской мемуарной литературы XVIII в. Благодаря ему стали известны многие события этого путешествия, точный маршрут, ежедневные впечатления и встречи, прогулки, увеселения, покупки и цены за них — все это тщательно заносилось в путевой дневник. Журнал рисует обстановку тогдашних путешествий, вкусы, привычки и интересы путешественников.

У Никиты Демидова имелось вполне достойное объяснение целей поездки. В «Предуведомлении» к путевым заметкам сказано, что «главным побуждением к предприятию... сего путешествия была беспрестанная болезнь Александры Евтиховны и надежда, чтобы видеть в совершенном здоровье свою супругу...». Но, по мнению историков, «посещение медицинских светил, паренье в горячих ключах» и питье «ишачьего молока для наведения тела» имели второстепенное значение, а главной целью путешествия было желание показать себя «проницательными и великий вкус имеющими людьми» и закупить множество «нужных вещей», нужных только потому, что «некуда было девать деньги...»⁷.

Н. А. Демидов объехал почти всю Европу: Францию, Англию, Швейцарию, Бельгию, Италию, Голландию. Больше всех других городов Западной Европы Демидова поразили и восхитили Париж: «Он весьма наполнен множеством жителей, богатством, редкими древними вещами; знатен своею обширностью, огромными и великолепными зданиями, изобилием, торговлею, цветущими науками и художествами, учеными, художниками, людьми проницательными и великой вкус имеющими. Славен множе-

ством всяких картин, вещей к натуральной истории надлежащих и миц-кабинетов; одним словом, он в рассуждении всего наивеликолепной и славной город в Европе, и где что ни родится, ни делается и ни производится, из других частей света привезенное в нем все найти можно...»⁸

Демидов любит каменистыми мостами через Сену: «...первый называется мост Святого Михаила, de St. Michel, второй — Богородицы, de Notre Dame, третий — Ошанж (pont au Change), четвертый — новый (pont Neuf) и пятый — Королевский (pont Royal); на конце моста Ошанж поставлен медный монумент в честь и память Людовика XIV. Сей государь представляется венчаемым Ангелом, по сторонам его Людовик XIII и Анна Австрийская, в величину натуральную, внизу их барельефы, где видны невольники...»⁹; осматривает церкви, Гостиный двор, Королевскую академию живописи и скульптуры, восхищается Лувром, дворцами Тюильри и Пале Рояль, с наивным восторгом описывает королевский зверинец и цирк, восхищается окрестностями Парижа, особенно Версальским парком, его статуями и фонтанами.

Повсеместно Демидовы осматривали выставки, музеи, памятники архитектуры, совершали прогулки по городам и их окрестностям, ездили в театры и на концерты. При этом они посещали казино, клубы, магазины и лавки, принимали участие в маскарадах, карнавалах и прочих развлечениях, кроме того, их ждали ежедневные встречи, визиты, приемы, званые обеды. Демидовы были представлены святейшему папе, принимали у себя английского посланника, регулярно «делали посещение» какому-нибудь принцу или принцессе. С особым удовольствием перечисляются имена: они выписаны тщательно, полностью, со всеми титулами.

Большой интерес Никиты Акинфиевича вызывали также всевозможные коллекции редкостей, которые он ходил осматривать в каждом новом городе. Так, в Лейдене ему особенно запомнился кабинет «натуральной» истории принца Оранского, где «все вещи собраны в великой бережливости и целостности порядочной и по местам поставлены за чистыми стеклами. Разные и удивительной красоты раковины, кораллы красные, белые

и черные, довольно не малые деревцы, всякие животные, насекомые и птицы, которых так засушены и соблюдены чучелы, что любоваться надобно: жуки, бабочки, червячки, разные камни, агаты и руды; также и многие окаменелые вещи»¹⁰.

В Париже он посетил королевскую библиотеку, о которой записал, что она «огромного сооружения, наполнена сверху до низу премножественным числом как рукописных, так и печатных книг знатных и лучших в свете сочинителей...», удивило, что в нее «всякой может войти, и испрося читать и выписывать, что кому рассудиться, а известные ученые люди» могут даже при необходимости книги «расписавшись и к себе брать».

Обращает внимание Демидов и на манеру общения парижан: «Здесь от излишнего оказания дружбы беспрестанно обнимаются», а «народ по большей части занимается операми и другими позорищами». Здесь проявляется чопорность, присущая родовитому русскому дворянству середины XVIII в., считающему себя высокообразованным, просвещенным, «избранным» из основной массы общества и придерживающемуся идеалов морали и высоких принципов нравственности.

Итак, ознакомившись с заметками Демидова о путешествии по Франции, главным образом по Парижу, мы не увидели даже и намека на развитие каких-либо революционных процессов. Мы лишь наблюдаем за путешествием русского человека, который любит, восхищается, удивляется, познает, сравнивает. Демидов рисует картину жизни французского общества времен так называемого Старого порядка. Однако картина его однобока. Вращаясь в кругах элиты общества, посещая театры, музеи, Демидов совсем не соприкасается с жизнью простого народа, в рядах которого как раз уже и начинают проследиваться недовольства существующим положением, возникают восстания и бунты. Игнорируя состояние основной массы населения, невозможно объективно отразить состояние всего общества в целом. Именно поэтому «Журнал путешествия» интересен лишь как описание внешней стороны Старого порядка, роскошной, развитой, вызывающей зависть путешественника из «Московии». Внутреннюю же сторону увидит уже Н. М. Карамзин во время своего путешествия.

«Письма русского путешественника» — одно из крупнейших и популярнейших произведений русской литературы конца XVIII в., преследовавшееся цензурой, которая не позволила писателю описать революционный Париж и высказать свое мнение о французской революции: это мнение он считал необходимым высказать анонимно в зарубежной печати. «Письма» быстро стали известны на Западе — в начале XIX в. дважды вышли на немецком языке, были переведены на английский (1803), польский (1802), французский (1815).

Независимость суждений Н. М. Карамзина проявлялась в отношении к французской революции, которую ему пришлось наблюдать весной 1790 г. в Париже. Естественно, он не мог приветствовать революцию. Но он не спешит (как это делали многие) с ее осуждением, предпочитая внимательно наблюдать за событиями, стремясь понять их действительный смысл.

События во Франции разразились в начале июня: опираясь на восстание парижских секций (31 мая — 2 июня 1793 г.), якобинцы во главе с Робеспьером, Маратом и Дантоном, чтобы спасти революцию, установили диктатуру. Об этих событиях Карамзин узнал в августе, когда отдыхал в орловском имении. В письме своему другу, поэту И. И. Дмитриеву, он писал: «...ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою».

В предисловии читатель предупреждался, что в своих письмах Путешественник «сказывал друзьям своим, что ему приключалось, что он видел, слышал, чувствовал, думал, и описывал свои впечатления не на досуге, не в тишине кабинета, а где и как случалось, дорогою, на лоскутках, карандашом»¹¹. Рекомендую свое произведение как собрание бытовых документов — частных писем Путешественника друзьям, Карамзин стремился сосредоточить внимание читателя на их документальности. «Письма» представляли собой исповедальный дневник русского человека, попавшего в огромный, незнакомый ему мир духовной и общественной жизни европейских стран, в круговорот европейских событий. Ю. М. Лотман считает, что Карамзин в кругу иностранцев, принимая позу скифа — искателя мудрости, стремился все-таки поразить собеседников обширностью, глубиной познаний, свидетельствующих о высоте уровня русского Просвещения¹².

В действительности труд создавался в Москве на протяжении многих лет. Писатель использовал при этом не только свои путевые записки, но и хорошо известные ему книги, посвященные тем странам, которые он посещал. Для описания Франции он использовал труды Мерсье «Картины Парижа» и Сент-Фуа «Исторические очерки из Парижа».

«Письма русского путешественника» — оригинальное сочинение, оно рождено на русской почве, определено потребностями русской жизни, решало задачи, вставшие перед русской литературой. Писатель поехал в Европу не по царскому приказу и должностному посылу — по своей воле. «Письма» свидетельствуют: Карамзин ехал понимать. Вернулся он первым русским европейцем. Карамзин создал устойчивый культурный образ «русского путешественника» за границей, и влияние этого образа оказалось исключительно долговременным.

Итак, 27 марта 1790 г. Карамзин въезжает в Париж: «Вот он, — думал я, — город, который в течение многих веков был образцом всей Европы, источником вкуса, мод, — которого имя поизносится с благоговением учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невеждами, в Европе и в Азии, в Америке и в Африке, — которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем; о котором так много читал я в романах, так много слышал от путешественников, так много мечтал и думал!..»¹³ И тут же идеалистические представления Карамзина рвутся: «Скоро въехали мы в предместье святого Антония; но что же увидели? Узкие, нечистые, грязные улицы, худые дома и людей в “разодранных рубищах”. И это Париж, — думал я, — город, который издали казался столь великолепным?»¹⁴ Карамзин видит истинное положение: Париж — город социальных контрастов. «...но декорация совершенно переменилась, когда мы выехали на берег Сены; тут нам представились красивые здания, дома в шесть этажей, богатые лавки. Какое многолюдство! Какая пестрота! Какой шум!..»¹⁵ Путешественника, прибывшего из России, привыкшего к спокойствию и размеренности жизни, захлестнули движение и быстрота столицы Франции: «Сей неопикуемый шум, сие чрезвычайное многолюдство, сия необыкновенная живость в народе

привели меня в некоторое изумление. — Мне казалось, что я, как маленькая песчинка, попал в ужасную пучину и кружусь в водном вихре»¹⁶.

Однако не только это замечает Карамзин. От его взгляда не ускользает то, что осталось незамеченным Демидовым: «...увидите тесные улицы, оскорбительное смешение богатства с нищетою; подле блестящей лавки ювелира — кучу гнилых яблок и сельдей; везде грязь и даже кровь, текущая ручьями из мясных рядов, — зажмете нос и закроете глаза. Картина пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете через подземельные трубы сливается в Париж нечистота и гадость. Но сделаешь шаг и окажешься в “счастливой Аравии” или на прованских лугах»¹⁷. Одним словом, «что шаг, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты — так, что вы должны будете назвать Париж самым великолепным и самым гадким, самым благовонным и самым вонючим городом»¹⁸. Однако все это не принижает величие Парижа в глазах путешественника.

Такое положение, когда богатые кварталы сочетаются с трущобами, характерно для всех быстро развивающихся городов, которые переживают процесс изменения ритма и образа жизни. Люди, не способные к столь резкой перемене, оказываются выброшенными, «отверженными» обществом. Именно эти слои населения стремятся изменить свое положение и становятся средой вызревания процессов недовольства. Все увеличивающийся темп жизни приводит к тому, что таких людей становится все больше и больше, и вот они уже составляют основную массу населения, которая становится неуправляемой. Когда же социальная напряженность достигает пика, вершины, не дождавшись изменений сверху, они решаются на единственно возможный для них путь решения проблемы — революцию. На социальные причины в вопросе об источниках революции обращает внимание Ш. Эйзенштадт в работе «Революция и преобразование обществ»¹⁹.

Что же произошло? «Париж не то, что он был. Грозная туча носится над его башнями и помрачает блеск сего некогда пышного города. Златая роскошь, которая прежде царствовала

в нем, как в своей любезной столице, опустив черное покрывало на горестное лицо свое, поднялась на воздух и скрылась за облаками; остался один бледный луч ее сияния, который едва сияет на горизонте, подобно умирающей заре вечера»²⁰. Почему вдруг радужная картина великолепного города сменилась столь мрачным описанием? Объяснение мы видим далее: «Ужасы революции выгнали из Парижа самых богатейших жителей; знатнейшее дворянство удалилось в чужие земли, а те, которые здесь остались, живут по большей части в тесном круге своих друзей и родственников»²¹.

Почему же некий аббат Н. утверждает: «Вы опоздали приехать в Париж, счастливые времена исчезли; приятные ужины кончились; хорошее общество (*la bonne compagnie*) рассеялось по всем концам земли...Порядочный человек не знает теперь, куда деваться, что делать и как провести вечер...Там, где все оттенки французского языка истощались в приятных шутках, в острых словах, там заговаривали... о цене банковских ассигнации, и дома, в которых собиралось лучшее общество, сделались биржами... истинная французская веселость была уже редкостью в парижских собраниях...»²²? И вопрос этот не остается без ответа: «...грянул над нами гром революции».

Проходившие на глазах Карамзина события вызывали интерес и пугали, привлекали внимание и ужасали путешественного русского человека, принципиального противника насильственных потрясений, народных революций. «Говорить ли о французской революции? Вы читаете газеты: следственно происшествия вам известны. Можно ли было ожидать таких сцен в наше время от зефирных французов, которые славились своею любезностью и пели с восторгом: “Для любезного народа, счастье — добрый государь”?»²³

Но почему же Карамзин, пылкий друг свободы, ученик Руссо, может так презрительно отзываться о парижских событиях и не хочет видеть ничего, кроме бунта, устроенного партией «хищных волков»? «Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция — отверстый гроб для добродетели и — самого злодейства». Карамзин не верит в быстрые перемены, тем более совершенные такими методами: «...легкие умы

думают, что все легко; мудрые знают опасность перемены и живут тихо. Когда люди уверятся, что для собственного их блага нужна добродетель, тогда настанет век золотой и мирное благополучие. Всякие насильственные потрясения губительны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот»²⁴.

Путешественник убежден, что революция не является народной, что «нация» в ней «не участвует»: «едва ли сотая часть действует», и эти «действующие» — «бунтовщики» и «дерзкие». «Французская монархия производила великих государей, великих министров; под ее мирною сению возрастали науки и искусства; бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком...»²⁵ Вот истинный порядок вещей, а революция — отклонение, которого нельзя было допускать. Тонкий наблюдатель и критик А. М. Кутузов в письме от 14 марта 1791 г. писал Плещеевой: «Что делает наш Рамзей... Видно, что путешествие его произвело в нем великую перемену в рассуждении прежних друзей его. Может быть, и в нем произошла французская революция?»²⁶

Стараясь понять совершившееся деяние, Карамзин решительно выступает против бездумного отношения к величайшему событию современности: «Я слышу пышные речи за и против, но я не собираюсь подражать этим крикунам»²⁷.

Самым внимательным образом за событиями во Франции следила из Петербурга Екатерина II. Со своей стороны она пришла к выводу, что спасти Францию, вывести ее из внутреннего кризиса может только война, которая направит все накопившиеся недовольство на внешнего врага. «Если в нотаблях или государственных чинах проявится излишний пыл, — писала Екатерина барону Гримму 29 января 1789 г., — то я бы посоветовала дать им политическое развлечение ударом на партию штатгальтера в Голландии. Тогда все горячие головы ринутся туда, а между тем хладнокровные заплатят долги и установят подати»²⁸. Опыт двух ассамблей нотаблей убедил Екатерину в неспособности обессиленной королевской власти во Франции восстановить порядок и спокойствие путем диалога с обществом, становившемся неуправляемым. Русским посланником в Париже в этот период был И. М. Симолин, сменивший князя

И. С. Барятинского в 1785 г. Именно он информировал русское правительство, непосредственно наблюдая за происходящими событиями.

12 июля 1789 г. в Париже начинаются первые столкновения возбужденных горожан с войсками. «Вчера вечером произошло восстание, — писал И. А. Симолин Остерману. — Французская гвардия, соединившись с чернью, начала стрелять в отряд Королевского немецкого полка. Убиты два человека и две лошади. Было совершено нападение на главный штаб войск, размещенный против моего дома, во дворце Ришелье. Надо надеяться, что будет найден способ прекратить эти безобразия»²⁹.

То, о чем писал Симолин, еще не было восстанием. Настоящее восстание началось 14 июля, между 9 и 11 часами утра, когда многотысячная толпа парижан захватила Дом инвалидов и овладела хранившимся там оружием. В 5 часов пополудни была взята Бастилия. Никто и не думал, что это событие станет символическим в истории Франции. «Революция во Франции завершилась, и королевская власть уничтожена», — сокрушенно сообщал Симолин 19 июля 1789 г. в Петербург о событиях 14 июля в Париже. Но, говоря об «уничтожении» во Франции королевской власти, Симолин, конечно же, погорячился. После 14 июля 1789 г. Людовик XVI царствовал еще более трех лет. Но в течение этих трех лет он не мог принять ни одного важного решения без оглядки на Национальное собрание, будучи вынужден считаться не только с депутатами, но и с парижской чернью, позволявшей себе немислимые прежде дерзости в отношении особы короля и всего августейшего семейства.

«Зачем нужен король? — произнесла Екатерина, получив известия из Парижа. — Он всякий вечер пьян, и им управляет кто хочет»³⁰. А в начале ноября Симолин докладывал: «Король лишен власти, а государство — законов, кредита и денег. Возможно, что в течение нескольких лет Франция не будет иметь никакого значения в политическом равновесии Европы»³¹.

С самого начала отношение у русских к революции было резко отрицательным, а по ходу, когда со всей силой проявились свойственные всякой революции жестокости, Екатерина II прониклась к «жакобинам» нескрываемым отвращением и ненави-

стью: «Злодеи захватили власть и превратят скоро Францию в Галлию времен Цезаря. Но Цезарь их усмирят. Когда же придет Цезарь?»³²

Симолину было дано указание под благовидным предлогом «как можно скорее» выехать из Парижа, оставив дела своему поверенному М. С. Новикову, который в 60-е гг. начал здесь службу переводчиком, а к моменту его назначения во Францию был советником российского посольства в Голландии. Помимо Симолина, во Франции, когда начиналась революция, находился П. П. Дубровский, который служил при посольской канцелярии полномочного министра и кавалера князя И. С. Барятинского и в 1778 г. получил место церковника при российской церкви в Париже. Из немногочисленных сведений, дошедших до нас о Дубровском, нельзя составить отчетливого представления о его политических взглядах. Несомненно, что он ни в коей мере не был революционером, однако идеи Вольтера, Дидро, Руссо (которого он знал лично) оказали на него известное влияние.

В. П. Дубровский собрал богатейшую коллекцию рукописей и книг, и когда в 1792 г. русское посольство было отозвано из Франции, он не смог взять с собой всю свою библиотеку и оставил большую ее часть в Париже. Затем он получил несколько ящиков с рукописями в конце 1804 г. Дальнейшая судьба части коллекции, оставшейся в Париже, не выяснена³³.

Последующие события перечеркнули все надежды на нормализацию отношений между Россией и Францией: восстание 10 августа 1792 г. в Париже и арест королевской семьи, решение Конвента от 21 сентября 1792 г. о ликвидации монархии и учреждении республиканской формы правления, наконец, суд над Людовиком XVI и его казнь 21 января 1793 г. — «с получением известия о злодейском умерщвлении короля Франции Ее Величество слегла в постель, и больна, и печальна»³⁴. Указ от 19(8) февраля 1793 г. объявлял о разрыве всех отношений между Россией и Францией.

В августе 1792 г. Екатерина II составила записку «О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства», в которой утверждала: «Дело французского государя есть

дело всех государей»³⁵. Императрица рассуждает на бумаге о путях восстановления монархии и необходимых для этого военных средствах. По глубокому убеждению Екатерины, с революцией покончат скорее не иностранные державы, а сами французы, ибо республика всегда в конце концов превращается в монархию.

Итак, новый метод анализа источников (более внимательное отношение к человеческому сознанию), основанный на таком методологическом направлении, как новая интеллектуальная история, позволил постичь видение и понимание событий ВФР русскими путешественниками и официальной элитой.

Так, Н. А. Демидов — аристократ, выходец из богатого древнего рода, — путешествуя по Франции, видит лишь внешнюю оболочку, красивую и роскошную маску салонов, музеев и театров; рисует картину «старой, доброй Франции», не затронутой революционными процессами. Мы наблюдаем за впечатлениями русского человека от увиденного, услышанного, прочитанного. В большинстве случаев Демидов любит и восхищается, но все-таки не ведет себя как варвар при виде цивилизации — он старается понять и объяснить то, о чем раньше ему приходилось только читать и слышать. И все же на основании «Журнала» нельзя судить о реальном положении дел во Франции последней трети XVIII в., ведь, как уже отмечалось, Демидов относился к верхушке, элите общества, а потому не обращал внимания на положение основной массы населения, заданного, по мнению некоторых историков, налогами и повинностями и, следовательно, готового к социальному взрыву, протесту.

Полный контраст «Журналу» составляют «Письма» Н. М. Карамзина, описывающие те изменения, которые произвела свершившаяся революция. Как приверженца идей Просвещения, Карамзина интересует состояние всего общества в целом, потому мы находим уже описание «грязных улочек», нищеты, людей в «разодранных рубищах». Карамзину открывается «изнаночная» сторона Франции, становятся видны внутренние противоречия, скрывающиеся за внешними атрибутами — блестящей культурой, наукой, искусством, роскошью королевского двора, успехами материального развития. Все сообщенное

Карамзиным — и наблюдения, и факты, и размышления, и мысли — заставляло русского читателя сопоставлять с известными ему порядками у себя на родине и думать о русских делах, о судьбе своего Отечества, так как историк считал, что Запад — это следующая ступень развития человечества, которой должна достичь Россия, а сегодняшняя Европа — это ее будущее.

Реакция русской политической элиты оказалась однозначной. И. М. Симолин был шокирован, обескуражен и не мог найти подходящих слов, чтобы описать революцию. Дворянство заняло откровенно враждебную позицию по отношению к Франции (пример — Е. Р. Дашкова, которая выступала против революционных действий в защиту «закона»)³⁶. Екатерина II боялась распространения революционных идей в России, чем объяснялись ее запрет на продажу французских газет и наблюдение за всеми проживающими на территории страны французами. И если поначалу она жалела Людовика XVI, то затем стала считать его повинным в том, что монархия рухнула.

Стоит также отметить и зарождение в России после ВФР критического отношения к идеям и порядкам, появившимся в ходе революции. До этого Франция выступала как безусловный образец для подражания, теперь отношение к ней России и значительно изменилось.

Слова Н. М. Карамзина оказались пророческими не только для Европы, но и для всего мира: «Французская революция — одно из тех событий, которые определяют судьбы людей на много последующих веков. Новая эпоха начинается... События следуют друг за другом как волны взволнованного моря, и есть еще люди, которые считают, что революция уже окончена! Нет! Нет! Мы еще увидим много удивительных вещей. Крайнее волнение умов служит этому предзнаменованием. Опускаю занавес...»³⁷ Такое «волнение умов» в конечном итоге породило в России явление декабризма, идеологической основой которого стали лозунги ВФР.

¹ Восстание декабристов: Документы и материалы. М.; Л., 1921. Т. 4. С. 105.

² Манфред А. З. Великая французская революция. М., 1983; *Ревуненков В. Г.* Очерки по истории Великой французской революции. 1789—1799. Л.,

1989; *Смирнов В. П.* Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1889. М., 1991; *Токвиль А.* Старый порядок и революция. М., 1997; *Фюре Ф.* Постигание французской революции. СПб., 1998.

³ *Пирогова Е. П.* Библиотеки Демидовых: Книги и судьбы. Екатеринбург, 2000.

⁴ «Журнал путешествия...» Н. А. Демидова. М., 1786; Журнал путешествия Николая Акинфиевича Демидова (1771–1773) / Сост. А. Г. Мосин, Е. Н. Пирогова. Екатеринбург, 2005. 256 с.

⁵ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М., 1988.

⁶ Из донесений русского посланника в Париже И. М. Симолина вице-канцлеру графу П. А. Остерману... // Рус. архив. 1878. № 8; Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Там же. № 10.

⁷ Русские портреты XVIII–XIX столетий / Изд. вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1909. Т. 5, № 182.

⁸ Журнал путешествий... С. 22–23.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 19.

¹¹ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 33.

¹² *Лотман Ю. М.* Карамзин: Сотворение Карамзина. СПб., 1997. С. 486.

¹³ *Карамзин Н. М.* Указ соч. С. 296.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 297.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 302.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

²⁰ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 306.

²¹ Там же. С. 306.

²² Там же. С. 308.

²³ Там же. С. 21.

²⁴ Там же. С. 25.

²⁵ Там же. С. 92.

²⁶ *Барсков Я.* Переписка московских масонов XVIII в. 1780–1792. Пг., 1915. С. 100.

²⁷ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 88.

²⁸ Письма Екатерины Второй к барону Гримму. С. 166.

²⁹ Из донесений русского посланника в Париже... С. 408.

³⁰ Дневник А. В. Храповицкого. С. 174. Запись от 29.07.1789 г. М., 1901.

³¹ Из донесений русского посланника в Париже... С. 410.

³² Письма Екатерины Второй к барону Гримму. С. 177. Письмо от 13.01.1791 г.

³³ Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вопр. истории. 1952. № 8. С. 150.

³⁴ Дневник А. В. Храповицкого... С. 245.

³⁵ Записка императрицы Екатерины Второй о мерах к восстановлению во Франции королевского правительства // Рус. архив. 1866. № 3. С. 400.

³⁶ Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. М., 1991.

³⁷ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 96—97.

Г. А. Мухина

Истоки и черты шатобриановского романтизма

Романтизм по-новому поставил проблему интеллектуала, ибо выдвинул примат чувства над разумом. Особенно это касается французской художественной культуры, которой пришлось преодолевать картезианство. На этом пути проявил себя Франсуа-Рене Шатобриан, французы называли его «наш Гете». С его творчеством и мироощущением связано становление французского романтизма, который для рационалистической Франции оказался «самым долгим в Европе»¹ и прерывистым. Долгим потому, что классицизм, укорененный собственной теорией, не хотел сдавать своих позиций, так как был востребован и Просвещением, и революцией, и Наполеоном (при нем утвердился имперский стиль «ампир»), и потому, что ему предшествовал «предромантизм».

Несмотря на замедленные темпы развития, романтическому движению во Франции в полной мере была присуща преемственность: оно являло собой синтез романтизма и Просвещения, идей реакции и революции. Относя французский гений к культуре «законченного совершенства», русский религиозный философ Г. П. Федотов связывал ее расцвет, начавшийся с 20-х гг. XIX в., скорее не с революцией, а с ее отрицанием, но вместе с тем считал пафос освобождения во Франции на рубеже XVIII—XIX вв. «духовным взрывом», поскольку революция не только пожирала свободу, но и провозглашала ее. Ультраромантическая и католическая реакция дала новой волне революционного романтизма Гюго, Ламенне пламенную страсть,